

А.Ф. Писемский

Горькая судьбина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А11 **А.Ф. Писемский**
Горькая судьбина / А.Ф. Писемский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
44 с.

ISBN 978-5-4241-3059-5

А. Ф. Писемский - один из значительных русских писателей гоголевского направления. Многие острокритические рассказы, повести, драмы писателя имели широкую известность среди современников и не утратили художественную ценность и в наше время.

ISBN 978-5-4241-3059-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.Ф. Писемский, 2021

Писемский Алексей
Горькая судьбина

Алексей Феофилактович Писемский

Горькая судьбина

Драма в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Чеглов-Соковин - молодой помещик.

Золотилов, зять его,

помещик пожилых лет

и уездный предводитель дворянства.

Калистрат Григорьев - бурмистр Чеглова-Соковина.

Ананий Яковлев - оброчный мужик Соковина,

промышляющий в Петербурге.

Лизавета - жена Ананья Яковлева.

Матрена - мать Лизаветы.

Баба Спиридоньевна - соседка Матрены.

Дядя Никон - задельный мужичонка.

Шпрингель - губернаторский чиновник

особых поручений.

Исправник.

Стряпчий.

Сотский.

Мужики: Федор Петров; выборный;

Давыд Иванов; молодой парень;

кривой мужик; рябой мужик;

понятые; бабы.

Действие происходит в деревне Соковина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Хорошая крестьянская изба. В переднем углу стол, накрытый белой скатертью, а на нем хлеб с солью и образком.

ЯВЛЕНИЕ I

Старуха Матрена сидит на одной лавке,

а на другой баба Спиридоньевна.

Спиридоньевна (глядя в окно). Не видать, баунька... Ничуть еще!

Матрена. Ну где еще чуть! Поди, чай, дорога-то переметенная, все лошадек-то в упор... Прут, чай, шагом.

Спиридоньевна. Да кто, баунька, стрешником-то к нему поехал?

Матрена. Кто стрешником?... На чужой уж, мать, подводе поехали; дядя Никон, спасибо, поохотился, нанялся за четвертачок, да чтобы пивца там испить, а то хоть плачь: свой-то, вон, пес работник другую неделю заехал на мельницу и не ворочает.

Спиридоньевна. А Лизавета-то, баунька, поехала?

Матрена. Поехала... женино тоже, мать, дело: как было не стретить... О, господи, господи... грехи наши тяжкие, светы наши темные!

Спиридоньевна (осклабляясь). Опасается она, поди, баунька, его шибко?

Матрена. Как бы, кажись, мать, не опасаться! Человек этакой из души гордый, своебышный... Сама ведаешь, родителю своему... и тому, что ни есть, покориться не захотел: бросивши экой дом богатый да привольный, чтобы только не быть

ни под чьим началом, пошел в наше семейство сиротское, а теперь сам собою раздышамшись, поди, чай, еще выше себя полагает.

Спиридоньевна. Как не полагать! Может, мнением своим, сударыня, выше купца какого-нибудь себя ставит. Сказывали тоже наши мужички, как он блюдет себя в Питере: из звания своего никого, почесть, себе и равного не находит... Тоже вот в трактир когда придет чайку испить, так который мужичок победней да попростей, с тем, пожалуй, и разговаривать не станет; а ведь гордость-то, бауныка, тоже враг человеческий... Может, за нее теперь бог его и наказует: вдруг теперь экую штуку брякнут ему!

Матрена. Да, эку штуку брякнут!.. Может, и жизни ее не пощадит: немало я над ней, псовкой, выла; слез-то уж ажно не хватает... "Вот, говорю, Ананий Яковлич из Питера съедет; как нам, злодейка, твое дело ему сказывать!" "Что ж, говорит, мамонька, не твое горе: я в грехе, я и в ответе".

Спиридоньевна. А ребенок-то где, бауныка? Зыбки-то, словно, не видать.

Матрена. В горенку перенесла; вчера-ско-сь целый день с работницей оттапливала; мне-то ни слова не голчит, а, вестимо, ради того, чтобы не так уж оченно прямо кинулся в глаза Ананью Яковличу.

Спиридоньевна. Знает уж он, чай, бауныка... Поди, еще в Питере разболтали ему: хорошее-то слово лежит, а дурное-то бежит.

Матрена. Нету, родимушка, нету; тоже кто вот из землячков пойдет, пытала я молить да кланяться, чтобы не промолвились о том. Опасно тоже было: человек еще молодой, живет в Питере, услышавши про свое экое приключение, пожалуй, и сам с круга свернет... Не пожалела она, злодейка, ни моей старости, ни его младости!

Спиридоньевна. То, бауныка, хоть бы с себя теперь взять, - баба еще не перестарок; добро бы она в нагоде да в нищете жила, так бы на деньгу кинулась; а то, ну-ко, в холе да в довольстве жила да цвела.

Матрена. Народом это, мать, нынче стало; больно стал не крепок ныне народ: и мужчины и женщины. Я вот без Ивана Петровича... Семь годков он в те поры не сходил из Питера... Почти что бобылкой экие годы жила, так и то: лето-то летенски на работе, а зимой за скотинкой да за пряжей умаешься да упаришься, - ляжешь, живота у себя не чувствуешь, а не то, чтобы о худом думать.

Спиридоньевна. Это, бауныка, что? Кто богу хоть бы этим не противен, царю не виноват: я сама, грешница великая, в девках вину имела, так ведь то дело: не с кем другим, с своим же братом парнем дело было; а тут, ну-ко, с барином... Как только смелости ее хватило... И говорить-то с ними, по мне, и то стыдобушка!

Матрена (махнув рукой). Не знаю, кто уж с кем у них заговаривал... Глупая да старая тоже ныне стала... Этта вот по осени бо-лезнь-то эта со мной была, так и остатки все иззабыла; а тоже помню, как он в те поры впервые в избу к нам пришел... Я на голбце лежала, соскочила. "Здравствуйте, говорю, ваше благородие!" А Лизуныка-то что-то у печки тут возилась. "Здравствуй, говорит, старуха", и прямо к ней. "Твоими бы руками, Лизавета, надо золотом шить, а не кочергами ворочать. Ишь, говорит, какая ты расхорошая". А она, пес, стоит да ухмыляется ему. Я слупа тоже поклонилась ему. "Благодарим, говорю, батюшко, покорно за ваше ласковое слово..." С этой, что ли, поры у них и пошло, - прах их знает!

Спиридоньевна. Много у них места-то, бауныка, и без твоей избы было. В позапрошлую жниву барская помочь была, коли помнишь... Барин целый день-

деньской у Лизаветы с полосы не сошел, - все с ней разговаривал.

Матрена (разводя руками). Ну вот!

Спиридоньевна (продолжая). Да, а тут как пошабашили, народ тоже подпил: девки да бабы помоложе, мало еще, кобылы экие, на полосе-то уходились, стали песни петь и в горелки играть. Глядь, и барин к ним пристал: прыгает, как козел, и все становится с твоей Лизаветой в паре и никак ладит, чтоб никто ее не поймал. Дивовали, дивовали мы в те поры: "Чтой-то, мол, это, матоньки мои, барин-то уж очень больно Матренину Лизавету ласкает?"

Матрена. Ничего я, мать, не знала и не ведала... Слеп, видно, материнской-то глазок на худое в детках. Как бы не у матери родной, а у свекрови злой жила, так не посмела бы этого сделать. Хошь тоже много спасибо и добрым людям: подвели, может, да подстроили...

Спиридоньевна. Один у нас, голубонька, добрый человек, злодей наш бурмистр Калистрат Григорыч; вся деревня голосит теперь о том, не зажмешь рты-то. Кому теперь, окромя его, наустить господина на женщину замужнюю, а теперь, ну-ко, экими своими услугами да послугами такую над ним силу взял, что на удивление: пьяный да безобразный, говорят вон дворовые, с праздника откедова приедет, не то, чтобы скрыться от барских глаз, а только то и орет во все горло: "Мне-ста барин все одно, что младший брат: что я, говорит, задумаю, то он и сделает..." Словно, мать, колдовство какое над ним сотворил, - право-тка!

Матрена. Ну, матушка, мудреное ли это колдовство: человек умный, богатый да лукавый! В те поры, как с злодейкой-то моей это приключилось, он приходит ко мне. "Матрена, говорит, у тебя баба без мужа понесла; мотри, чтобы она над собой али над ребенком чего не сделала, - ты за то отвечать будешь". Я так, мать, и ахнула, ничего того не думаючи и не ведаючи; а она, псовка, и входит на эти слова. Я было накинулась на нее, а он на меня затопал. "Не трожь, говорит, ее; сам барин про то знает и простил ее".

Спиридоньевна (взглянув в окно). Едут, баунька, едут!..

Матрена. Ну вот, слава те, царица небесная! Стать было: с хлебом и с солью тоже стретить охота. (Берет со стола хлеб и становится против дверей.)

Спиридоньевна (продолжая глядеть в окно). Рядом, баунька, Ананий-то Яковлич с Лизаветой сидят. На-ка, глянь, под руки ее высадил; таково ласково; ничего еще, сердешный, видно, не знает!

ЯВЛЕНИЕ II

Входят Ананий Яковлев в сибирке хорошего сукна,
Лизавета и дядя Никон с кисой на плече.

Дядя Никон. Вот те, бабушка, купца питерского привез!.. У меня лошадь важная: сто пудов вали на нее, сvezет, - верно!

Ананий Яковлев сначала помолился перед образом, потом поклонился три раза матери в ноги и, приложившись к иконе, поцеловался с ней.

Матрена. Здравствуй, батюшка, сокол мой ясный!

Дядя Никон. Кланяйся, брат Ананий Яковлич, и мне в ноги; сделай и мне это почтение... (Берет от Матрены хлеб с солью.)

Ананий Яковлев (слегка улыбаясь). Что ж, отчего? Можем-с!.. (Кланяется дяде Никону вполспины, потом целуется с ним.)

Дядя Никон. Вот это, брат, так... ладно... Стариков, брат, уважай... На стари-

ковском, значит, разуме свет держится, аки на китах-рыбах, - верно!

Ананий Яковлев (жене). Возьмите уж и вы-с!

Лизавета, конфузаясь, берет хлеб с солью; Ананий Яковлев кланяется ей в ноги и потом целует ее.

Матрена (толкая дочь). Поклонись, дура, сама-то ему в ноги!

Лизавета кланяется;

Ананий Яковлев поднимает ее и опять целует.

Спиридоньевна (жеманно). Здравствуйте, батюшка, Ананий Яковлич, какой нарядный да хороший стали! Как живете-можете?

Ананий Яковлев. Ничего-с: поманеньку, бог грехам терпит... (К дяде Никону.)
Одолжите, пожалуйста, на минуточку кису-то.

Дядя Никон (сбрасывая с плеча кису). На-те вот вам черта-борова какова...
Девки и бабы... значит... иди сюда, лапки! Всем будут подарки...

Ананий Яковлев (вынимая из кисы драдедамовый платок и подавая его матери).
Пожалуйте-с!

Матрена (целуя его в локоть руки). Ай, батюшка, благодарствую, красавец мой бриллиантовый!

Спиридоньевна. Ну вот, баунька, настоящий тебе старушечий: к лицу будет...
оченно пойдет.

Матрена. Нешто, мати!.. Наряжают да ублажают меня, а я, старая, и поблагодарить-то не умею как хорошенько.

Ананий Яковлев (вынимая из кисы кусок шелковой материи и подавая его жене). Это для вас теперь...
Пожалуйте-с!..

Лизавета молча берет и целует у мужа руку.

Спиридоньевна (рассматривая с завистью подарок Лизаветы). Вона, мать, гарнитуры-то какие: мы и не видывали здесь этаких. На-ка, и бархатцу-то на оторочку привез. Словно кукла нарядная, будешь ходить у нас в шелках да в бархате.

Ананий Яковлев (Спиридоньевне). А вас, извините на том, не чаял здесь захватить...
Позвольте, по крайности, хоть полтинничком поклониться... (Дает ей полтинник.)

Спиридоньевна. Ой, чтой-то судырь-батюшка!.. Оченно вам благодарна...
(Целует у него руку.)

Дядя Никон. А мне дляче красной шапки не привез? Это уж, брат, не ладно, право!

Ананий Яковлев. Ныне народ-то прозорлив стал: и без красной шапки понимают человека.

Спиридоньевна. Уж именно, судырь!.. Может, наскрозь видят, кто каков есть человек.

Матрена (зятю). Садись, батюшка, за стол-то... (Дочери.) Поди там, вынимай из печи-то, что есетко... (Спиридоньевне.) Анна Спиридоньевна! Потрапезуй, матка, с нами... (Дяде Никону.) Полно, старый хрен, болтаться-то тут тебе, словно мотовило. Залезай в передний-то угол.

Дядя Никон (садясь). Залез, баушка!.. Я те водки привез, ей-богу! Шельма твой Анашка, питерский, ведь, кулак, распоясал мошну на один полштоф да и думает: баста! "Нет, брат, говорю, шалишь! С тетки Матрениным пирогом еще надо водку пить!.." (Вынимает из кармана полуштоф и гладит его.) Вот оно,

благословенное-то мое!.. Вынимай, баушка, ковши да енды!

Матрена (ставя из шкафчика небольшие стаканы). Пьешь и стаканчиками, ныне вино-то дорогое!

Все садятся за стол;

Лизавета подает щи и свеженину.

Ананий Яковлев (жене). Что ж, садитесь и вы! Маменька, позвольте им-с! Давно тоже мы рядом-то с ней не сживали.

Матрена (дочери). Садись!

Дядя Никон (первый наливает и пьет). Здравия желаем, с похмелья умираем: нет ли гривен шести, душу отвести...

Матрена (Спиридоньевне). Анна Спиридоньевна, выпей, матушка!

Спиридоньевна. Ой нет, баушка, неохота что-то.

Матрена. Да полно, чтой-то! Ты попригубь, так, может, и понравится.

Спиридоньевна (выпивая). С Успеньева дни, мать, не пила. Да сама-то ты выпей, хозяйюшка почтенная!

Матрена. О, полно-ко, мать, какая уж я пивица... (К зятю.) Ты сам-то, батюшка, не выпьешь ли хоть перед хлебом-то с солью?

Ананий Яковлев. Нет-с, благодарю; не имею той привычки.

Дядя Никон. Вот Лизунька так выпьет, потому самому... с радости... муж приехал... веселей, значит, принимать его будет: вино, значит, теперь дух человеку дает, - верно!

Ананий Яковлев. Пошто им пить? Что это за глупые речи: скучно даже слушать!

Спиридоньевна. Что, батюшко, Ананий Яковлич, вологодским трактом, чай, изволил ехать?

Ананий Яковлев. Нет-с, какое тут вологодский! Пустое дело это нынче тракт стал: почесть, что заброшен! Теперь чугушка народу тысячи по три зараз везет и, словно птица, летит: верст по тридцати в час уходит.

Матрена и Спиридоньевна (в один голос). Ой, батюшки, чтой-то? Будто уж и по тридцати верст?

Ананий Яковлев. Это еще не так очень много... так как, значит, дело это еще у нас внове: так опасаются тоже маненько; а что в иностранных землях она и шибче того ходит!.. Теперь, хоша бы насчет времени этим большое сбереженье... значит, и на харчах барыш; бока тоже не наломают; сидишь, словно в комнате, не тряхнет, не вальнет: штука отменная-с!

Дядя Никон. Это, брат, я знаю... видал... Теперь тысяча человек едет... Махина с дом... а лошадей четверка только везет, ей-богу!.. Потому самому дорога гладкая... по этому... по шоссе идет...

Ананий Яковлев (несколько потупившись). Никакой тут лошади нет-с... ни единой... А ежели и есть какая, так ее самоё везут... Вы это, может, дилижанец видали; а чугушка другое дело: тут пар действует.

Спиридоньевна. Да как же это, батюшки, пар-то? Он у нас токмо что в бане и есетка, да горшки им парить умеем.

Матрена. Дошел, видно, нынче народ до всего.

Дядя Никон. И это, брат, знаю, что ты говоришь, и то знаю!.. А вы уж: ах, их, ух!.. И дивуют!.. Прямые бабы, право! Митюшка, кузнец, значит, наш, досконально мне все предоставил: тут не то что выходит пар, а нечистая, значит, сила! Ей-

богу, потому самому, что ажно ржет, как с места поднимает: тяжело, значит, сразу с места поднять. Немец теперь, выходит, самого дьявола к своему делу пригнал. "На-ка, говорит, черт-дьявол этакой, попробуй, повози!"

Спиридоньевна. Ой, полно-ко, чтой-то все чертыкаешься: нашел место за столом.

Дядя Никон. Ей-богу, так, курносая! А ты что думала: я больше его знаю... что он бахвалит?

Ананий Яковлев (солидно). Никакого тут дьявола нет, да и быть не может. Теперь даже по морской части, хошь бы эти паруса али греблю, как напредь того было, почесть, что совсем кинули, так как этим самым паром стало не в пример сподручнее дело делать. Поставят, спокойным манером, машину в нутро корабля, она вертит колеса, и какая ни на есть там буря, ему нипочем. Как теперича стал ветер крепчать, развели огонь посильнее, и пошел скакать с волны на волну.

Матрена. Ничего, мать Спиридоньевна, мы, век-то с тобой изживучи, не увидим.

Спиридоньевна. Какие уж мы, бауныка, видалыщицы; только на осины да на березы и гляди, сколько хошь... Вона Лизавета, поди, чай, побывает с мужем в Питере, наглядится на все!

Ананий Яковлев. Дяче им не побывать!.. Может быть, даже нынешним годом этот случай приладим. Чем чужую кухарку нанимать, так лучше своя будет.

Лизавета (вспыхивая). Где уж нам, судырь, в Питер ехать: женщины мы деревенские, небывалые, и глядеть мы по-тамошнему не умеем, а не то, что говорить.

Ананий Яковлев. Что ж вы так себя очень низко ставите; а как мы тоже Питер знаем, так вам надо быть там не из худых, а, может, из самых лучших; по крайности я так, по своему к вам расположению, понимаю.

Дядя Никон. Ты, Анашка, меня, значит, в Питер возьми, ей-богу, так! Потому самому... я те все документы представить могу. Меня, может, токмо што в деревне родили, а в Питере крестили, - верно! Теперь барин мне, значит, говорит: "Никашка, говорит, пошто ты, старый пес, свои старые кости в заделье ломаешь, - шел бы в Питер". "Давайте, говорю, ваше высокородие, тысячу целковых; а какой я теперича человек, значит, без денег... какие артикулы могу представить али фасоны эти самые... и не могу".

Ананий Яковлев. В Питере-то и без ваших денег много в кабак уходит... (Обращаясь к Спиридоньевне.) Опять теперь, Анна Спиридоньевна, насчет того же пару...

Спиридоньевна. Да, да, батюшко, голубчик, поговори-ка о хорошем: больно повадно твои умные речи слушать-то.

Ананий Яковлев. Ни одной, почесть, фабрики нет без него. На другую, может, прежде народу требовалось тысячи две, а теперь одна эта самая машина только и действует. Какие там станы есть али колеса, все одна ворочает: страсти взглянуть, когда вот тоже случалось видать, и человек двадцать каких-нибудь суется промеж всего этого, и то больше для чистоты.

Дядя Никон. Ты теперича, Анашка, говоришь: машина!.. Что такое значит машина?

Ананий Яковлев (не обращая на него внимания). Начальство теперь насчет только того в сумнении находится, что дров очень много требуется... леса пе-

реводятся... ну так тоже землю такую нашли... болотину, значит, с разными такими кореньями, пнями в ней... Все это самое прессуют, сушат, и она гореть может! Каменный уголь тоже из иностранных земель идет и тем большое подспорье для леса делает.

Дядя Никон. Ты не можешь знать, что такое машина, потому самому - ты человек торговый, а человек мастеровой, значит, знает это. Ты теперича знаешь Николу Морского?

Ананий Яковлев (улыбаясь). Как не знать-с: церковь известная.

Дядя Никон. Я теперича эту самую, значит, колокольню щекотурил. Теперича, значит, машина сейчас была не в своем виде, я... трах... упал... сажень сорок вышины было... барин тут из военных был: "Приведите, говорит, его, каналью, в чувство!.." Сейчас привели... Он мне два штофа водки дал, я и выпил.

Спиридоньевна. Как ты, старого хрыча, всего не расшибло: с такой вышины вывыркнулся.

Ананий Яковлев. Верно ли вы расстояние-то промеряли?.. А то словно бы, кажись, как с сорока-то сажень человек слетит, так водки не захочет.

Дядя Никон. О, черт, дьявол, право! Не захочет?.. Захотел же! Вот и теперь выпью, - верно! (Пьет.) В главнокомандческом тоже доме графа Милорадыча в зале, с двойным просветом, карниз выводили, так тоже надо было, паря, каждую штуку потрафить. Я как теперича на глазомер прикинул, так и ставь тут: верно будет.

Ананий Яковлев. Всему делу, выходит, уставщик вы были?

Дядя Никон. Был, брат, я всем... Теперича, что такое значит мастеровой человек али купец? Я теперича свое дело в своем виде представить должен... А что теперича торговый?.. Торговый человек... на вот тебе, значит, на грош говядинки купил, а на гривну продал... Торговый человек, значит, плут!

Ананий Яковлев. За што же вы так все звание порочите; мы тоже места имеем; раз обманул, так другой и брать не станут.

Дядя Никон. Не станут, да! Что такое тепер, значит, купец? Мыльный пузырь! Трах! Ткнул его пальцем - и нет его! А мастеровой человек... Графу Милорадычу тепер надо коляску изготовить, платье себе испощить, супруге своей подарком какую-нибудь вещь сделать, - мастеровой человек и будь готов, сейчас команда: "Пошел во дворец!" - и являйся.

Ананий Яковлев. Нет-с, это словно бы не так! Торговый человек завсегда должен паче себя наблюдать, чем мастеровой. У нас тепер, по нашей разносной торговле, может, праздника христового нет, все мы перед публикой на глазах быть должны, а мастерового человека мы тоже знаем: шесть дней поработал, а седьмой, пожалуй, и в кабаке за бочкой проваливается.

Дядя Никон. Никогда этого не может быть. Я теперича мастеровой человек; а уж бабе меня не надуть, - шалишь!

Все бабы бледнеют: Никон тянется за водкой.

Спиридоньевна (не давая ему). Полно-ко, полно, старый пес, и то уж налпался: говоришь, не знаем что.

Матрена. Шел бы, батюшко-старичок, домой... тоже умаялся, чай, с дороги. Из кушанья ничего уж больше не будет, извини на том!

Дядя Никон (не обращая ни на кого внимания). У меня тепер, слава те господи, полна изба ребят, а все мои, все Никоньчи, как раз так пригнано, верно! А

у торгового человека, может... да... торговому, видно, во всем от бар счастье, и тут лишняя копейка даром перепала.

Ананий Яковлев. К чему же это вы речь вашу такую клоните? Мудрено что-то уж очень заговорили.

Лизавета и Матрена сидят как полумертвые.

Спиридоньевна. О, мелево, мелево и есть человек! За хозяйским кушаньем сидит, хозяйское вино пьет, а только обиды экие говорит, - глупая башка этакая!

Дядя Никон. Что ж сидит? Я и встану... (Встает из-за стола.) За что он теперь сердце мое раздражает? Что он за человек теперь выходит, коли я одним словом его оконфузить могу?

Ананий Яковлев. Какое же это слово такое, чтоб оконфузить меня?

Дядя Никон. Слово, да! Что ты, купец али генерал?.. Барский свояк ты и больше ничего... Чей у тебя ребенок, ну-ко говори!.. В том, значит, только и счастье твое, что твоя коренная у барина на пристяжке пошла, право, черти, дьяволы экие!.. (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ III

Те же без Никона.

Ананий Яковлев (стремительно вставая из-за стола). Фу ты, господи, твоя воля! За что этот человек обляял, обнес тебя экими словами?

Спиридоньевна (струся). Пора, однакоче, домой. Прощай, баушка Матрена!.. Прощай, Лизавета Ивановна!.. Прощайте, батюшка Ананий Яковлич!

Ананий Яковлев (торопливо). Прощайте-с!

Спиридоньевна уходит.

Ананий Яковлев (теще). Что это, маминька, за слова его были?

Матрена (помолчав). Ну, батюшко, изволил, чай, слышать.

Ананий Яковлев. Про какого он это тут ребенка болтал?

Матрена. Может статья, про Лизаветина паренька говорил.

Ананий Яковлев (побледнев). Про какого это Лизаветина паренька?

Матрена. Паренек у нее... полутора месяца теперь.

Ананий Яковлев. А!! Дело-то какое... (Матери.) Теперь, маминька, значит, повыдьте маненько.

Матрена. Помилуй, батюшко, ты ее хоть сколько-нибудь!.. Накажи ты ее сколько хошь: пусть год-годенской пролежит!.. Не лишай ты только ее жизни, не ради ее самоё, злодейки, а ради своей головушки умной да честной... (Кланяется ему в ноги.)

Ананий Яковлев (поднимая ее). Нет, ничего-с... Пожалуйте только, повыдьте-с.

ЯВЛЕНИЕ IV

Ананий Яковлев и Лизавета.

Некоторое время продолжается молчание; Ананий Яковлев смотрит Лизавете в лицо; та стоит, опустив глаза в землю.

Ананий Яковлев. Что ж это вы тут понаделали, а?

Лизавета молчит.

Ананий Яковлев. Говорите же! Отвечайте хоша что-нибудь!..

Лизавета. Что мне говорить?.. Никаких я супротив вас слов не имею. Какая